

УДК 340.15

ИСТОРИОСОФИЯ ПРАВА: СИНТЕЗ ДИСЦИПЛИН ИЛИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ ВОПРОШАНИЕ?

© 2024 г. С. А. Бочкарёв

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: bo4karvs@yandex.ru

Поступила в редакцию 25.03.2024 г.

Аннотация. В статье исследован вопрос о сущности историософии как познавательной дисциплины. По итогам выяснено, что ее возможности реализуются не путем синтеза предметов разных наук (истории, философии и права), а через автономный и самодостаточный круг вопросов, имеющих метафизическое происхождение и ноосферное наполнение. Речь идет о смысловой области, где право рассматривается с позиции «было», а не «вчера». В этой связи спрашивают: а было ли в праве «было» и способно ли это «было» еще быть? Найденное ему в жизни подобие оценивают на предмет того, являлось ли оно мгновением, преходящей иллюзией, а возможно, и вовсе «ничем»? Либо ухваченное «было» являлось самим бытием, которое взяло начало в прошлом, но никуда не ушло и имеет продолжение в сущем? В результате выясняется, что в праве ведет его к «исторической скоротечности», а что в нем обеспечивает его «внеисторическое присутствие» в бытии.

Исследование также показало, что основной и структурообразующей категорией историософии является время, о котором в современном правоведении задумываются нечасто. Юриспруденция в основном увлечена периодами, промежутками и сроками, а не временем как таковым. Упущение времени и знаний о нем оставило правоведение стоять на абсолютистской и отвлеченной концепции Ньютона, которая никогда не воспроизводила представления о времени, основанные на реальности. Теория заигралась с физической стороной времени и упустила его социально-психологическое измерение, то есть то, что жизнь есть главный сосуд времени, единственный источник его наполнения и ключевое средство истощения. Жизнь атомов, так же как и жизнь правовых благ, является не только источником их бытия, но и продолжительности этого бытия. В свою очередь, время есть основополагающий критерий жизнеспособности правовых благ.

Ключевые слова: история, философия, право, математика, метафизика, историософия права, время, вечность, бытие, событие, смысл, целое.

Цитирование: Бочкарёв С.А. Историософия права: синтез дисциплин или самостоятельное вопрошание? // Государство и право. 2024. № 4. С. 56–66.

DOI: 10.31857/S1026945224040036

HISTORIOSOPHY OF LAW: SYNTHESIS OF DISCIPLINES OR INDEPENDENT QUESTIONING?

© 2024 S. A. Bochkarev

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: bo4karvs@yandex.ru

Received 25.03.2024

Abstract. The article examines the question of the essence of historiosophy as a cognitive discipline. As a result, it was found out that its capabilities are realized not by synthesizing subjects of different sciences (history, philosophy and law), but through an autonomous and self-sufficient range of issues with metaphysical origin and noospheric content. We are talking about a semantic area where the law is considered from the position of “was”, and not “yesterday”. In this regard, they ask: was there a right to “was” and is it still capable of being “was”? The likeness found in his life is evaluated on the subject of whether it was a moment, a passing illusion, or perhaps even “nothing” at all? Or was the grasped “was” itself a being that originated in the past, but has not gone anywhere and has a continuation in existence? As a result, it turns out that in law it leads to “historical transience”, and what in it ensures its “non-historical presence” in being.

The study also showed that the main and structurally forming category of historiosophy is time, which is rarely thought about in modern jurisprudence. Jurisprudence is mainly concerned with periods, gaps and deadlines, rather than time per se. The omission of time and knowledge about it left jurisprudence standing on the absolutist and abstract concept of Newton, which never reproduced ideas about time based on reality. The theory played with the physical side of time and missed its socio-psychological dimension, that is, that life is the main vessel of time, the only source of its filling and the key means of exhaustion. The life of atoms, as well as the life of legal goods, is not only the source of their existence, but also the duration of this existence. In turn, time is a fundamental criterion for the viability of legal benefits.

Key words: history, philosophy, law, mathematics, metaphysics, historiosophy of law, time, eternity, being, event, meaning, whole.

For citation: *Bochkarev, S.A. (2024). Historiosophy of law: synthesis of disciplines or independent questioning? // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 56–66.*

Введение

Предлагаемые читателю размышления об историософии являются не первыми и не последними. Их транзитивный и ординарный характер обусловлен отсутствием стремления разрешить стоящие перед дисциплиной проблемы догматического и методологического порядка. Суждения отличает желание не увлекаться спором различных философских школ о том, что есть историософия. Не примыкать к тому или иному течению, относящему предмет к идеалистическим или материалистическим дисциплинам. Не синтезировать противоречивые знания, а найти в их многообразии то, что позволяет составить о дисциплине целостное представление. Поиск целостного облика, как известно, — одна из ключевых гносеологических задач философии.

На размышления о сути историософии права автора натолкнуло знакомство с сочинением К. Труммера «О философии права и особенно уголовного права»¹, которому с момента выхода в свет скоро исполнится двести лет. Междисциплинарный характер книги и немалые годы, сквозь которые она прошла, первым делом ставят перед любым исследователем вопрос о методе ее познания. Века, ушедшие в прошлое, обязывают специалистов подходить к трактату не только с позиции современной юридической науки, но и с исторической. Последняя, в свою очередь, наставляет исследователя рассматривать книгу и как научный труд, отражающий взгляды автора на избранный предмет исследования, и как артефакт,

т.е. во избежание допущения ошибочных суждений об идеях мыслителя и причинах их генезиса история задает дополнительный — ретроспективный угол обзора.

История и математика

Ретроспекция предлагает посмотреть на сочинение как на «осколок прошлого», изучить его с номотетической и идеографической точек зрения², найти в нем типичные и индивидуальные признаки. Наиболее взвешенные направления исторической науки назидают далее синтезировать извлеченные знания и получить целостный облик исследуемого фрагмента. Как писал по этому поводу Э. Ренан, «талант историка состоит в том, чтобы создать верное целое из частей, которые верны лишь наполовину»³. Историк, дополнял М. Бертелло, нужно прибегнуть к необыкновенным ухищрениям и догадкам, основанным на самых разнообразных признаках, чтобы воспроизвести мир, которого никогда больше не увидим⁴. Иными словами, специалистам нужно познать не только текст, но и контекст сочинения. С его помощью пройти по пути от фрагмента реальности к целому культуры, соответствующей времени издания произведения. Либо, наоборот, проследовать по дороге от окружающей книгу обстановки к ее сюжету и конкретным иллюстрациям.

² См.: Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории: в 2 т. М., 2010. Т. I. С. 178, 233.

³ Ренан Э. Собр. соч.: в 12 т. / пер. с франц. под ред. В. Н. Михайлова. Киев, 1902. Т. VII. С. 189.

⁴ См.: там же. С. 215.

¹ Trummer C. Zur Philosophie des Rechts und insbesondere des Strafrechts: besonders aus den crimenistischen Beiträgen abgedruckt. Hamburg, 1827.

Безусловно, ко всей обозначенной методологии придется прибегнуть для познания артефакта. Иначе его хронометрическая раскодировка или извлечение из-под груд вековых наслоений окажется проблематичной и приведет к получению искаженных результатов. Но содержание произведения, посвященного раскрытию онтологических основ уголовного права, обращает внимание на недопустимость игнорирования еще одного угла обзора — философского. Он изначально вживлен в основу сочинения и избран в качестве путеводного метода препарирования уголовного права, под которым К. Труммер понимал «одно из важнейших человеческих отношений».

Совокупность обозначенных обстоятельств предопределяет и одновременно обуславливает формат погружения в произведение. Симбиоз исторического и философского аспектов ведет к необходимости использования историософского подхода, о сущности которого много сказано его основоположниками (Вольтером, И. Гердером, М. де Кондорсе, А. Тюрго, О. Контом, Г. Гегелем и др.). Здесь нет необходимости вдаваться в подробности обсуждения разности высказанных об этом подходе точек зрения. Достаточно признать наличие между ними отличий, ни одно из которых, впрочем, не препятствует обнаружению того, что историософский метод не есть способ или результат сложения, скрещивания либо синтеза истории и философии — двух связанных, но разных дисциплин, имеющих собственные парадигмы оценки мироустройства. Сложение фрагментов, как известно, не отменяет фрагментарность собранной мозаики. Их сбором и обобщением занимается историческая наука в ее позитивистском понимании. В подходе к реальности она напоминает элементарную математику, призванную решать, как правило, простейшие вопросы о площадях, объемах, свойствах некоторых линий и равновесии тел, т.е. работать с постоянными величинами, доминирующими в бытовом мировоззрении и являющимися в будничной среде, но почти отсутствующими в природе, где с большей или меньшей скоростью все непрерывно меняется.

Историософия не оперирует фрагментами или, иначе, голыми фактами, случаями либо, как выражался В.В. Биbihин, «ближайшими реалиями»⁵. Она работает с событиями. Этимология этого термина (со-бытие) прямо, недвусмысленно и наилучшим способом указывает на то, что рассматриваемой дисциплине не интересен сам по себе факт или эмпиризм, если говорить более обобщенным образом. «В эмпирии, — как отмечал М. Мамардашвили, — все уходит в бесконечность, в дурной регресс объяснений»⁶. Историософия интересуется эпизода-

ми исключительно в их соотношении с бытием как смыслообразующей областью. В ней не используют простые приемы сложения или вычитания при хронометраже различного рода происшествий, которыми оперирует «элементарная история», действуя в этом случае по образу и подобию элементарной математики.

Изучая преимущественно неизменно-переменные параметры, отличающиеся от элементарных величин сложностью, познавая законы их функционирования, историософия скорее напоминает собой высшую математику, занимающуюся исследованием комплексных чисел, последовательных тенденций, непрерывных и переменных функций, неопределенных интегралов и линейных уравнений. Но проблемное поле историософии все же глубже, чем у высшей математики, ибо ей не чуждо ни высшее, ни низшее, ни простое, ни сложное. Она взаимодействует не только с физической средой, но и с социальной природой человека, которая по своей структуре, если выражаться по С.А. Левицкому, многослойна и многоэтажна. В ней одновременно «действуют, в различной степени и в различных отношениях, материальные, биоорганические, индивидуально- и коллективно-психические, социальные и духовные факторы»⁷. За счет сферы охвата историософия шире обеих математик, что в итоге роднит ее с метафизикой, занимающейся поиском причины причин и установлением начала начал.

История и София

Если говорить точнее, то историко-софия работает над поиском Софии. Под ней русская философия XIX — начала XX в. понимала целое или «единство истинное, не противопологающее себя множественности, не исключющее ее, но... господствующее над своей противоположностью и подчиняющее ее своим законам»⁸. Сложность разуживания Софии обусловлена тем, что целостный образ мира, именуемый иначе бытием, переполнен в повседневной жизни необозримым и хаотичным множеством частных. Тем более целое само по себе в предуготовленном качестве сознанию человека не дано. Оно существует, но каждый раз должно выявляться им с помощью интеллектуально-волевых усилий сознания, за счет чего обеспечивается взаимосоотносимость сознания и целого, их актуализированность друг для друга. Верным признаком и верифицированным доказательством собрания искомого целого служит появление смысла в многообразии противоречивого и несводимого, единого и неделимого мира, перманентно живущего сразу в трех измерениях, а не между прошлым

⁵ Биbihин В.В. Собр. соч. Т. 2: Введению в философию права. М., 2013. С. 64.

⁶ Мамардашвили М. Вильнюсские лекции по социальной философии (Опыт физической метафизики). СПб., 2012. С. 29.

⁷ Левицкий С.А. Метафизика временного процесса // Трагедия свободы: избр. произведения; вступ. ст., сост. и коммент. В.В. Сапова. М., 2008. С. 154.

⁸ Соловьев В.С. Россия и вселенская церковь // Соловьев В.С. Собр. соч. М., 1911. С. 303, 304.

и будущим, как традиционно утверждают некоторые историки. Здесь целое и смысл не случайно совпадают, поскольку, как справедливо отметил еще Гегель, «только целое имеет смысл».

Идею о целом как о первопредмете историософии, ее воплощении в жизни через смысловое поле чуть позже поддержал А. Бергсон. У него появление единой и цельной науки как высокоорганизованной мысли достигается через уплотнение всех понятий в одно. «Они, таким образом, с необходимостью приходили к бытию, которое можно было, без сомнения, назвать Мыслью», — писал философ. Именно разум через производимую им мысль обеспечивает единство природы и реализует объединительную функцию для всех ее проявлений. Собираение в целое понятий и проявлений природы несет за собой не только фигуральное, но и аксиологическое значение. Главная роль объединительной функции разума, отмечал Кант, состоит в придании совокупной науке человеческого характера. Даже П.Н. Милуков, выступавший за прекращение существования «философии истории», признавал за ней предназначение по поиску смысла истории. Для достижения этой цели «философия истории спешит отделить свое дело от дела науки и требует для себя, во имя идеала, априорного права прикидывать к истории идеальную мерку и судить исторические явления нравственным судом»⁹.

Поиск целого практически у каждого мыслителя реализуется через автономную совокупность самодостаточных вопросов, воплощающих в себе суть историософского подхода и максимально поглощающих все то, что называется бытием. В его глубинах эти вопросы призваны отыскать не только судьбу народа или всего мира, но и слезинку замученного ребенка, о которой вешал Ф.М. Достоевский в «Братьях Карамазовых». Только с позиции историософского подхода можно рассмотреть, что слезинка пролита и для мира, и для самого ребенка, для свершения их судьбы, т.е. метод предназначен не для разбирательства с микро- и макромасштабами мироустройства, а для обнаружения его целостной картины. Он направлен не на очищение исторического облика от субъективных изъятий, объективных вменений и ошибочных исключений, а на их обнаружение и учета в качестве составной части распознаваемого образа. Ибо подлинная философия истории, как отмечал С.Л. Франк, состоит в понимании многообразия истории во всей его полноте через познание сверхвременного единства духовной жизни человечества¹⁰. В отличие от истории, составляющей биографию человека, историософия занимается постижением «единого образа человеческой личности во всей полноте ее проявлений от младенчества до самой смерти».

Если говорить о человечестве в целом, то миссия дисциплины состоит в изучении «разных эпох жизни человечества как многообразного выражения единого духовного существа человечества»¹¹. Вне историософской парадигмы слезинка ребенка, как указывал Н.А. Бердяев, не может быть объяснена и тем более оправдана. «Замученный ребенок предстает как бессмысленная жертва, вызывающая протест против мира, а в конце концов, и против Бога»¹².

Здесь важно подчеркнуть, что нужда в целом не есть сугубо терминологическая или гносеологическая потребность философии или истории как познавательных дисциплин. О востребованности целого в самой жизни свидетельствовал А. Тойнби. Необходимость в нем испытывают «от самых больших до самых малых наций», — писал историк. Требование «цельности» выдвигалось ими столь настойчиво, что существование и единство мира оказывалось под сомнением. Желание «ощутить Жизнь как цельность, противоположную видимой повседневной изменчивости», мыслитель называл их «глубинной внутренней потребностью»¹³.

Рефлексия к целостному восприятию, обращал внимание А. Бергсон, имеет антропологическое происхождение. Философ увидел ее детерминанты в человеческом мышлении. Оно обладает не только свойством схватывать отдельные проявления физической природы, но и способностью смотреть на мир как на целое, с острым ощущением присутствия или отсутствия в нем жизни¹⁴. Выводы А. Тойнби и А. Бергсона подтвердил И.А. Ильин. В его наследии находим свидетельства об испытании антропологической потребности в целом не только малыми и большими обществами, но и отдельными индивидами. Человек, душевно не цельный, не способен к достоверному знанию. Расколотый человек, по убеждению философа, теряет связь с временем и предается настроению, руководствуется соображениями о пользе и в поведении следует за сиюминутными капризами. Его разум утрачивает созерцательность и деградирует в отвлеченный рассудок. Не имея в себе единого, единственного и всеобъединяющего центра жизни, человек воспроизводит только условное, относительное, срочное, неокончательное и недостоверное. Общество, не располагая в своей основе целостным и исцеленным человеком, разлагается и распадается, ведет выродившийся образ жизни¹⁵.

¹¹ Там же.

¹² Бердяев Н.А. Философия свободы / сост., вступ. ст. и коммент. В.В. Шкоды. М., 2004. С. 445, 446.

¹³ Тойнби А. Дж. Постигание истории / пер. с англ. Е.Д. Жаркова. М., 2010. С. 22.

¹⁴ Бергсон А. Творческая эволюция. М., 2001.

¹⁵ См.: Ильин И.А. Спасение в цельности // Почему мы ведем в Россию: соч. М., 2006. С. 767–774.

⁹ Милуков П.Н. Очерки по истории русской культуры: в 2 т. М., 2010. Т. 1. С. 52.

¹⁰ См.: Франк С.Л. Духовные основы общества. М., 1992. С. 30.

А.С. Лаппо-Данилевский как основоположник исторической науки в России пытался защитить понятие «целое» и не допустить его узурпации другими дисциплинами. В связи с этим он возражал Боссюэ, Лессингу, Гегелю, Марксу, Бернгейму и Карееву, попытавшись отвергнуть их мысль о принадлежности «целого» к дефинициарному аппарату только философии истории. Утверждал о наличии у исторического синтеза конечной задачи в виде построения исторического целого. Однако при более детальном разборе взглядов ученого обнаруживается, что получение «целого» у него не требует какого-либо особенного вопрошания. Оно достигается через элементарное обобщение опыта путем конструирования понятий, «которые могли бы объединять все многообразие эмпирически данной действительности»¹⁶. «Теория целого» у ученого полностью подчинена «теории отдельного» и стоит у него на службе. Понятия о некоем целом должны создаваться историком не исходя из существования этого целого, а на основе отдельных фактов и их некоторой общности. А.С. Лаппо-Данилевский не смог включить самосознание и понять, что вещи проявляют на поверхности лишь те глубокие перемены, которые совершаются в недрах целого¹⁷.

«Время» и его место в составе истории, философии и права

В весьма лаконичном и образном описании сути историософского подхода в основном высвечена и объяснена его философская составляющая. Она объединяет вопросы, имеющие метафизическое происхождение и ноосферное наполнение¹⁸. Роль философии здесь предсказуема, в той или иной мере понятна и принципиально не нова. Но так ли все однозначно с историей? В каком качестве она предстает в историософском подходе и какую функцию для него выполняет? История вновь выступает банальным прошлым и тривиальным объектом онтологического интереса?

Односложного ответа на поставленный вопрос наука не дает. В потенциальном ответе есть и «да», и «нет». Здесь «да» означает, что история как была прошлым, так и останется им. В свою очередь, «нет» означает, что от истории для историософского подхода взято немного. История в ее традиционном понимании оставлена за скобками с собственным узкоотраслевым пониманием прошлого. От нее востребовано только время, т.е. то, в чем измеряется не только прошлое, но и настоящее с будущим. Вне зависимости от того или иного исторического контекста время

во все века остается главным, постоянным и неизменным жизнеориентиром. Но в этом качестве оно в самой истории не оценивается и не исследуется. Не случайно в истории востребовано не столько время, сколько интервалы и промежутки. В ней время рассматривается, говоря словами С.Л. Франка, «как временный процесс, как внешняя совокупность и смена разных периодов, как временная линия, уходящая в необозримую даль»¹⁹.

Таково понимание времени в истории. С его издержками и пределами первым сталкивается сознание человека. Если говорить точнее, то у него процессы познания останавливаются и становятся невозможными, ибо история делается бесцельной и превращается в механический хронограф, трансформируясь в «дурную» и бессмысленную бесконечность». Для выхода из необозримого тупика многочисленных и бессвязных событий сознание человека нуждается в переходе на историософский уровень, где единая дисциплина обеспечивает средоточие взгляда и цельное восприятие жизни.

Здесь нельзя согласиться с С.Л. Франком. С одной стороны, он вполне обоснованно приписал философии истории функцию поиска сверхисторического знания. С другой — совершенно неуместно заключил, что сверхисторическое знание есть «история как символ и выражение сверхвременного, цельного существа человеческого духа». По сути, философ дал два определения истории. При этом одно из них он оставил обывателю, а другое возвысил и в итоге отождествил с самой философией истории.

На самом деле история не сверхвременна, а вот время, используемое историей, сверхвременно. Поэтому история с временем не работает, а только его касается. Она оперирует с его производными — временными параметрами. Временем занимается историософия. Для историософского подхода время служит «фонарем Диогена» или, иначе, оптическим фокусом при поиске целостного образа того или иного явления, в том числе права, его места и значения в составе всего бытия. Остается только понять, что или кто есть время? В чем или в ком скрыты его основания? И есть ли время вообще? К бытию или к небытию оно относится? Предназначено ли время для поиска бытия и для проверки права на предмет бытийственности?

Мыслителей, изыскивающих ответы на поставленные вопросы, посещали разные и порой радикально противоположные соображения. Из-за неумовности времени нередко им казалось, что его не существует или оно есть не более чем психологическое ощущение. На парадоксальные свойства времени и на вероятность принадлежности его к небытию обратил внимание еще Аристотель. «Одна часть

¹⁶ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. М., 2010. Т. 2. С. 536.

¹⁷ См.: Бергсон А. Творческая эволюция. С. 290.

¹⁸ См.: Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М., 1988. С. 132–134.

¹⁹ Франк С.Л. Духовные основы общества. С. 30.

его была, и ее уже нет, другая — будет, и ее еще нет; из этих частей складывается и бесконечное время, и каждый раз выделяемый [промежуток] времени. А то, что складывается из несуществующего, не может, как кажется, быть причастным существованию»²⁰.

В отличие от философии современное правоведение не мучают столь глубокие сомнения. В нем не часто поднимают вопрос о времени. Так происходит, вероятно, из-за его физической природы, которой правоведение придает приоритетное значение. В силу константности этой природы право убеждено, что не в силах на нее влиять, а может только ее учитывать. Поскольку теория права мало что знает о социальной природе времени, то она в основном увлечена временами и производными от них проявлениями — сроками, т.е. не временем как таковым, а определенными периодами и промежутками. Изучая эти интервалы, ученые двигаются в двух направлениях: либо исследуют право различных времен и конструируют картину его генезиса²¹, либо пытаются зафиксировать проявление времени в различных правовых институтах. Здесь специалисты с конкретно-отраслевых позиций изучают «сроки давности», «сроки действия договора», «рабочее время и время отдыха», «действие закона во времени», «время совершения преступления» и т.д.

Частое и не всегда осмотнительное оперирование понятием «времени» сыграло с исследователями «злую шутку». Породило у них убежденность в овладении темой и природой познаваемого феномена. Привело к обольщению и к производному от него выводу о том, что «в юридической сфере мы способны играть со временем, возвращаясь к уже состоявшимся событиям и действиям, приобретающим значение в действительности и будущем»²², т.е. возникла иллюзия, что можно отграничиться от физического времени и изобрести «правовое время», обусловленное от первого. На самом деле в таких измышлениях исследователи допускают и терминологическую, и методологическую неточность, лишаящую их выводы достоверности.

Во всех обозначенных направлениях правоведы работали со сроками, т.е. не со временем, а с т.н. временными параметрами. В тех редких случаях, когда речь заходила о времени, дискуссия сводилась,

как правило, к общеправовой риторике и к поиску «времени в праве»²³. Хотя онтология подсказывает, что по всем канонам мироздания время является безусловной константой бытия, а право — условной, поскольку оно возникло по итогам эволюции конкретно-исторических условий. С таким же успехом человек может прекратить существование учрежденных им правовых систем, как это уже не раз происходило в критические периоды жизни разных народов, либо с тем или иным успехом возродить их бытие. Но от времени он отказаться не в силах. Поэтому по всем правилам гносеологии необходимо сначала найти право во времени как частное в общем, а затем уже искать «время в праве», т.е. то, как общее проявляется и реализуется в частном. Нарушение такой последовательности приводит специалистов, когда они рассуждают о каких-либо сроках, к ошибочному убеждению о сопричастности права ко времени. Программы изучения действия «времени в праве» и «права во времени» существенным образом у них не отличаются, а сами эти феномены употребляются как синонимы.

Перестановка местами ключевых слагаемых в указанных словосочетаниях либо остается незамеченной, либо не приводит к изменению результата. Под правовым временем как «особой функциональной категорией юридической науки» понимается не время, а конкретный момент его бытия, длительность отдельных правовых явлений, момент возникновения и фиксирования юридических фактов и иных обстоятельств, период течения юридических сроков²⁴, т.е. разные вариации и эквиваленты временного измерения, зачастую не связанные с самим временем.

Без обращения к философии и к естественным наукам с обоснованностью сформировавшихся в правоведении представлений о времени не разобраться. Философский опыт показывает, что, несмотря на сомнения в существовании времени, мыслители все же признавали факт его присутствия в жизни. Отмеченная Аристотелем и Аврелием Августином парадоксальность времени лишь указывает на его непрерывность, необратимость и неуловимость. Наличествование времени можно зафиксировать лишь в тех сосудах, в которых оно отражается, накапливается, содержится и из которых оно истекает. Легче всего с механическим мировосприятием, ибо классическим и наиболее наглядным примером существования времени являются часы или движение Земли вокруг Солнца. Здесь время предстает как ось, которая протянута из прошлого в будущее и касается всех. В качестве единственно незыблемой, обезличенной и бескомпромиссной оси время не дает возможность миру выйти за пределы его системы координат,

²⁰ Аристотель. Соч.: в 4 т. М., 1988. Т. 3. С. 145.

²¹ См., напр.: Крашенинников П. Времена и право. М., 2016 (в этой монографии автор исследовал источники разного времени и стран: Месопотамии, Египта, Греции, Римской империи и далее до Российской Империи, пытаясь ответить на вопросы об обстоятельствах зарождения, возникновения и развития права как важнейшей системы регулирования общественных отношений).

²² Кочеткова Е.А. Соотношение категорий право и время // Труды Оренбургского ин-та (филиала) МГЮА. 2022. № 1 (51). С. 42–46.

²³ Тенилова Т.Л. Время в праве. Н. Новгород, 2001.

²⁴ См., напр.: Волк И.В. Право, время и пространство: теоретический аспект: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

поскольку время есть не стрелка часов, а измерение, как отмечали Г.Т. Фехнер и Ф. Бернтано²⁵. Координатами этого измерения служат не прошлое и будущее, а вечность и бесконечность, на что обратил внимание А. Тюрго. Человек, по убеждению мыслителя, помещен творцом среди этих координат и занимает только точку, имеющую отношения со множеством вещей и существ. В этом качестве каждый человек есть часть бесконечного целого — истории человечества, имеющей и свое младенчество, и свой прогресс²⁶.

Время как измерение препятствует распаду человека и всего человеческого общества, их необратимому дроблению. С одной стороны, оно не позволяет каждому уйти вслед за собственной кривой и сорваться в бездну хаоса под накатом личных эмоций. С другой — время не дает человеку сбиться со счета грехопадений под прессом своего высокомерного рационализма. В обозначенном статусе, по Ш. Кэрроллу, ось времени помогает найти у событий «верх» и «низ», отличить их движение между «назад» и «вперед».

О вышеописанных и универсальных свойствах времени мы узнаем в основном из абсолютистской и отвлеченной концепции Ньютона. Но в механике эти свойства только отражаются. Механика не является источником времени. Технические устройства не накапливают и сами по себе не воспроизводят время. Оно из них не истекает. Как отмечал Плотин, круговращение неба лишь являет собой время, в котором оно есть. Но само время не есть то, чем и в чем оно является. «Оно не могло возникнуть ни благодаря покоящимся, ни благодаря движущимся вещам...»²⁷. Аналогичное суждение задолго до Плотина высказал Аристотель, когда отметил, что хотя часть круговращения [Неба] есть какое-то время, но [само время] ни в коем случае не круговращение... <...> Изменение и движение каждого [тела] происходят только в нем самом или там, где случится быть самому движущемуся и изменяющемуся; время же равномерно везде и при всем»²⁸.

Жизнь как источник времени, а время как критерий жизнеспособности правовых благ

Для устранения всех сомнений в существовании времени и формирования полноценного о нем представления ученые предлагали не ограничиваться идеалистическими взглядами Ньютона, которые являлись лишь логическим построением и никогда не воспроизводили знание о времени, основанном на реальности. Ньютоновская формула времени не поддавалась научному изучению и не отражалась в фактах,

изучаемых наукой. Специалисты наставляли обратиться ко всей полноте жизни, которой законы механики искусственно подражают и на деле выступают лишь ее статическим эквивалентом. «Время, — отмечал Г. Зиммель, — есть жизнь, если оставить в стороне ее содержание»²⁹. Фактические свойства времени, подтверждал В.И. Вернадский, обнаруживаются в жизненных явлениях. Только через жизненную область можно подойти к более глубокому, чем в других процессах природы, проникновению в реальность и к пониманию времени. Время и жизнь, по убеждению ученого, неразделимы, т.к. «бренность жизни нами переживается как время, отличное от обычного времени физика»³⁰. Жизнь, иными словами, есть главный сосуд времени, единственный источник его наполнения и ключевое средство истощения.

Изотропная обусловленность жизни и времени первым делом указывает на то, что время, как и жизнь, имеет не только механическое выражение. Осознание этого факта в конце XIX — начале XX в. привело научную мысль к пониманию, что время также обладает физическим, геологическим, химическим, биологическим, психологическим и космическим воплощением. Для некоторых философских школ, прежде всего идеалистической направленности, обозначенное научное открытие не стало чем-то новым. Оно было квалифицировано как прозрение естественно-научных дисциплин, поскольку с учетом их позитивного опыта мыслители за тысячу лет до XX в. диагностировали не мифическую, а практическую связь жизни и времени. Сначала Платон, а затем его последователь Плотин отмечали, что «одна и та же жизнь создает небо и время». Время есть протяженность жизни, «обладающей непрерывной деятельностью». Одно не пребывает без другого, поскольку время и жизнь не только сопутствуют, но и совпадают друг с другом. Если жизненный процесс превращается в пустую схему единства, — тогда прекращают свое существование и время, заключенное в этом жизненном процессе, писал Плотин³¹.

Включение в процесс изучения времени других сред жизни позволило обнаружить, например, отсутствие в молекулярной сфере следов из мира всемирного тяготения. В ней не царят механические каноны движения, что, безусловно, существенно изменило и дополнило ньютоновскую картину времени. Физика и биология как наиболее выразительные науки о жизни дали наглядные знания о ее взаимообусловленности со временем. Физика, в частности, показала, что «для каждого рода атомов, — как писал

²⁵ Цит. по: Kras O. Franz Brentano. München, 1919. Ss. 49, 50.

²⁶ Тюрго А. Избр. произв. М., 1937. С. 77, 78.

²⁷ Плотин. Третья эннеада / пер. с древнегреч. Т.Г. Сидаша. СПб., 2004. С. 392, 393.

²⁸ Аристотель. Соч. Т. 3. С. 146, 147.

²⁹ „Die Zeit ist das Leben unter Absehen von seinem Inhalt“ (см.: Simmel G. Soziologie: Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung. München; Leipzig, 1922. S. 11).

³⁰ Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. С. 248.

³¹ Плотин. Третья эннеада / пер. с древнегреч. Т.Г. Сидаша. С. 393, 394.

В.И. Вернадский, — есть определенное время их бытия»³². И это время содержится в самом атоме. Он способен существовать такое время, в течение которого может сохранять свое строение. В биологической среде время измеряется не часами и минутами, а поколениями. Несмотря на генетическую смену поколений, изменение в их признаках «совершалось скачками через большие промежутки времени, или, наоборот, накапливалось от поколения к поколению незаметно, становясь видным только через большие числа поколений», — отмечал В.И. Вернадский³³. «Смена поколений организмов — самый основной и первоначальный метод измерения времени в человеческом обществе и в мире живых организмов», — констатировал ученый³⁴.

Еще более утвердительный, развернутый и поворотный ответ для всей науки дал А. Бергсон, заявивший о времени как о наиболее прочной и субстанциональной ткани жизни³⁵. Философ начал с развития идеи Дж. Локка о наличии неразделимой связи между длительностью и умственным процессом³⁶, а завершил открытием психологического времени³⁷, т.е. того дления, которое, как утверждал В.И. Вернадский, «характеризует жизнь, живые организмы в их научном понимании»³⁸. Виной всему сознание. В нем А. Бергсон решил отыскать следы времени, а нашел его «сердце». Изучение многочисленных процессов психики привело мыслителя к пониманию необходимости деления времени на физическое и психологическое. Но на этом философ не остановился. В отличие от предшественников он изменил подход к оценке выделенных времен. При выявлении их характеристик ученый принимал во внимание не степень универсальности и автономности каждого времени от окружающих сред обитания, а степень их влияния на эти среды и жизнь в целом.

На основании выбранного критерия «физическую длительность» А. Бергсон назвал относительной величиной. Она соотносима с любым объектом и в то же время абсолютно безразлична к их бытию. «Физическое время» внешне по отношению ко всему миру, не касается биологической и социальной жизни, исчисляется независимо от проходящих в ней процессов. «Психологическая длительность» имеет внутреннее, а не внешнее присутствие. Она пребывает

в сознании, которое служит ей абсолютной реальностью. Это время не является числом, а измеряется степенью терпения и нетерпения. Именно терпение как строго определенная и вмененная человеку константа «обязывает меня ожидать, и ожидать в течение известного промежутка психологической длительности...». Она предписана ему и вживлена в его сознание. По отношению к ней «я бессилён», — писал А. Бергсон.

Течение «психологического времени» философ уравнивал с течением жизненного процесса. Оно «уже не то математическое время, которое могло бы быть приложено ко всей истории материального мира...». «Психологическое время совпадает с моим нетерпением, то есть с известной частью моей длительности, которую нельзя произвольно удлинить или сократить». Это уже не область мысли или отношения. «Моя длительность» есть область переживания. Она принадлежит к абсолютному, поскольку составляет и выражает само существо человека. Не любое проявление этого существа, а именно то, которое включает в себя и образует из себя Целое человека и человечества. В нем содействуют «мои чувства с моим разумом», в совместном труде создают образы и подобию. Они развиваются тем же способом, что и сознание. Здесь «становится видным, — отмечал А. Бергсон, — как материя и форма интеллектуального познания порождают друг друга путем взаимного приспособления, так как интеллект формируется, ориентируясь на телесность, а телесность — на интеллект»³⁹.

Если обратиться к праву, то законодатель о психологическим или «внутреннем времени» ничего напрямую не молвит. Гражданский кодекс РФ, например, дает нормативное определение праву собственности и обходится без упоминания времени в его контексте. Раскрывая содержание этого права, нормотворец заявляет лишь о принадлежности собственнику прав владения, пользования и распоряжения своим имуществом. На этой триаде законодатель исчерпывает значение соответствующего термина и ни слова не употребляет о времени.

Вместе с тем изучение практики Конституционного Суда РФ наглядно показывает, что собственность имеет свое временное измерение, а само время в жизни собственности играет определяющее значение. Суд не сразу подошел к этим наблюдениям, обнаружив их только на изломе сложных для собственника обстоятельств. Сначала он обратил внимание на сопряженность прав владения, пользования и распоряжения не столько с собственностью, сколько с имуществом. Собственность есть продукт воли собственника и его личности. В подтверждение этого Конституционный Суд РФ указал на то, что ограничение правомочий триады еще не может расцениваться как нарушение

³² Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. С. 229.

³³ Там же. С. 226.

³⁴ Там же. С. 361.

³⁵ См.: Бергсон А. Творческая эволюция. С. 41, 42.

³⁶ См.: Locke J. An essay concerning human understanding. London, 1825.

³⁷ См.: Bergson H. Essai sur les données immédiates de la conscience. Paris, 1909.

³⁸ Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. С. 328.

³⁹ Бергсон А. Творческая эволюция. С. 46.

собственности. О прекращении этого права не свидетельствует и само по себе изъятие имущества, совершенное против воли собственника, как это происходит при аресте вещей. Суд не усматривает оснований утверждать, что эти факты повлекли прекращение права собственности, т.к. по своему характеру они носят временный характер.

Временной фактор, как оказывается, незримо присутствует и сопровождает собственность. Более того, он выступает критерием ее жизнеспособности. Время обладает столь высоким значением, поскольку собственность отличается от других прав своей безвременной принадлежностью человеку. Защищая собственника от тайного, открытого и неосознанного изъятия у него имущества, уголовное право по своей сути обеспечивает не численное выражение полномочий, с которым в гражданском праве связывают право собственности, а правомочность собственника находиться в отношении с вещью на всем протяжении своего и ее бытия.

В отличие от ареста, схожие меры по принудительному лишению лица имущества, отнесенного п/п. «в» п. 1 ч. 2 ст. 82 УПК РФ к определенному виду вещественных доказательств, признаны Конституционным Судом РФ не соответствующими ч. 1, 3 ст. 35, ст. 46, ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, т.к. в данном случае лишение собственника его имущества не представляет собой процессуальной меры временного и обеспечительного характера, а влечет за собой возможность органа государственной власти окончательно определять судьбу вещественных доказательств еще до завершения производства по уголовному делу.

Не иначе картина времени представлена нормотворцем в иных отраслях права. Уголовный закон, например, переполнен упоминанием различных сроков. Но в его содержании ничего не сказано о времени, тем более о жизни как его источнике. Все значение времени как феномена бытия в основном сведено до протяженности исправительного процесса. Среди правовых благ, охраняемых средствами юстиции, время не отыскивается, их временной потенциал не изучается. Вместе с тем эти блага по своей сути являются тем же атомами, в жизни которых физика отыскала время их бытия. Блага, как «молекулы», образуют собой уголовно-правовую материю социального бытия, где каждая из них имеет собственный временной резерв.

Например, Уголовный кодекс заявляет о защите человека от убийства. При этом значение убийства раскрывается через указание на умышленные действия, в результате совершения которых причиняется смерть другому человеку. Но в действительности самим по себе способам убийств закон не придает принципиального значения. Закону безразлично, каким образом жертва будет лишена жизни. Он отмечает лишь откровенно кощунственные

акты посягательства. Но и в этом случае подобные акты не упомянуты в законе. В нем в самом общем виде отражена лишь особая жестокость деяния. Тем самым признается, что «в мускульной силе самой по себе, — как отмечал В. Соловьев, изучая уголовный вопрос с нравственной точки зрения, — нет ничего дурного»⁴⁰. Критерий преступности состоит в другом.

В чем? Использованные законодателем дефиниции не дают ответ на поставленный вопрос. Они не погружают в контекст того, что есть жизнь, и не приводят то ключевое обстоятельство, при котором посягательство на нее может считаться преступным. Эта часть знаний остается подразумеваемой. Их раскрытие высвечивает то, что право защищает личность от наступления не всякой смерти, а только той, что наступила преждевременно, т.е. не в результате эволюции, а по итогам вмешательства в природный ход ее процессов и их неестественного прекращения.

Фактор времени вновь оказывается и основополагающим, и скрытым. Отсутствие упоминания о нем в нормативных определениях можно отнести к недостаткам юридической техники. Но было бы вернее увидеть в обозначенном упущении знак того, что и у собственности, и у жизни как у физических атомов имеется собственное время. И это время составляет существо охраняемых благ, неотличимое от них самих. Жизнь, например, остается жизнью до тех пор, пока составляющие ее основу физиологические процессы подчинены собственной логике, т.е. протекают по анатомическим канонам и в пределах своих генетических возможностей.

Историософия как трансцендентное вопрошание о праве

С учетом обозначенной специфики историософский подход не задается вопросом о том, «что было вчера», которым традиционно занимается обычная ретроспекция. Историософию не интересует «вчера», поскольку это «вчера» уже вчера, как писал Г. Уэллс, растворилось «в миллионах подобных вчерашних дней»⁴¹. В фокусе метаисторического внимания остается только «было». По этой причине ставятся совершенно другие вопросы. Спрашивают: а было ли «было», есть ли «было» и способно ли это «было» еще быть? То есть «было» рассматривается через само «было», а не через «вчерашние дни и ночи». Для диагностирования «было» найденное ему подобие оценивают на предмет того, являлось ли оно мгновением, преходящей иллюзией, а возможно, и вовсе «ничем»? Либо ухваченное «было» являлось самим бытием, которое взяло начало в прошлом, но нигде не ушло и имеет продолжение в настоящем? Иными словами, в каждом случае предметом

⁴⁰ Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия / вступ. ст. А.Н. Голубева, Л.В. Коноваловой. М., 1996. С. 313.

⁴¹ Уэллс Г. Очерки истории цивилизации. М., 2004. С. 9.

отыскания остается феномен бытия, т.е. те смыслы, которые являются неизменными и сквозными во всех «былях» и «небылях», «далях» и «библейских скрижалях». Исторический подход, таким образом, представляет собой трансцендентное вопрошание, а оно — смысловую цельность, состоящую из ответов о «внеисторическом присутствии» в истории и об исторической скоротечности во «внеисторическом измерении».

При этом важно подчеркнуть, что вышеприведенные вопросы о былом продиктованы не «игрой ума», а жизненной практикой. Из нее следует достаточно примеров существования в разных и весьма отдаленных временах единых, неделимых и связывающих их друг с другом ценностных и смысловых универсалий. Из предложенного К. Ясперсом опыта сравнения и соприкосновения эпох, в частности, следует, что «в каждой из них речь идет об одном и том же», а «человечество имеет единые истоки и общую цель»⁴².

Остается только историософии как специально предназначенной дисциплине разобраться в том, что есть «одно и то же», каковы его облики в разные времена и почему «одно и то же» не всегда очевидно, в чем или в ком состоит «общая цель»? По каким причинам человечество периодически утрачивает связь с «едиными истоками», заменяет или подменяет «общую цель»? Какие силы в человеке и человечестве отвечают за мобилизацию их сознания и его способность думать в масштабе планеты?

Аналогичными вопросами разумно задаться юристам. Например, найти в уголовном праве то, что в нем является «одним и тем же» и неизменно переходит из эпохи в эпоху, образуя тем самым не только прошлое, но и будущее этой отрасли права, его внеисторический или, иначе, онтологический базис? Что в праве образует «общую цель» и как оно через эту цель связывается с «истоками человечества»? Образует ли в конечном счете право с этими истоками единство? Не менее важно понимать, что в рассматриваемой отрасли законодательства не является «одним и тем же»? Как оно появляется в уголовных уложениях? Надолго ли задерживается в них, какой след оставляет и каким образом исключается из нормативных актов? Какое влияние «не одно и то же» оказывает на соответствующие правоотношения? Какую цель в них преследует и достигает ли ее?

Поиск ответов на поставленные вопросы требует рассмотрения правовой жизни с позиции «временного», «бывшего» и «вневременного». То есть правовое бытие должно браться и исследоваться не само по себе, а с помощью и с позиции «эпохальных парадигм». Этим же свойством историософия отличается от истории, которая целостным восприятием

и познанием жизни, поиском у нее единого смысла не увлекается. История, как верно отметил Г. Риккерт, представляет собой идеографию, «ориентированную на фиксирование уникального и... игнорирование законов развития мира в целом»⁴³. «Историк, — убежден П. Сорокин, — заинтересован в точном описании данного исторического явления как такового, во всей его конкретной индивидуальности и неповторимой единичности»⁴⁴.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аристотель*. Соч.: в 4 т. М., 1988. Т. 3. С. 145–147.
2. *Бергсон А.* Творческая эволюция. М., 2001. С. 41, 42, 46, 290.
3. *Бердяев Н.А.* Философия свободы / сост., вступ. ст. и коммент. В.В. Шкоды. М., 2004. С. 445, 446.
4. *Бибихин В.В.* Собр. соч. Т. 2: Введению в философию права. М., 2013. С. 64.
5. *Вернадский В.И.* Философские мысли натуралиста. М., 1988. С. 132–134, 226, 229, 248, 328, 361.
6. *Волк И.В.* Право, время и пространство: теоретический аспект: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.
7. *Ильин И.А.* Спасение в цельности // Почему мы верим в Россию: соч. М., 2006. С. 767–774.
8. *Кочеткова Е.А.* Соотношение категорий право и время // Труды Оренбургского ин-та (филиала) МГЮА. 2022. № 1 (51). С. 42–46.
9. *Крашенинников П.* Времена и право. М., 2016.
10. *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории: в 2 т. М., 2010. Т. 1. С. 178, 233; т. 2. С. 536.
11. *Левицкий С.А.* Метафизика временного процесса // Трагедия свободы: избр. произведения; вступ. ст., сост. и коммент. В.В. Сапова. М., 2008. С. 154.
12. *Мамардашвили М.* Вильнюсские лекции по социальной философии (Опыт физической метафизики). СПб., 2012. С. 29.
13. *Милуков П.Н.* Очерки по истории русской культуры: в 2 т. М., 2010. Т. 1. С. 52.
14. *Плотин*. Третья эннеада / пер. с древнегреч. Т.Г. Сидаша. СПб., 2004. С. 392–394.
15. *Ренан Э.* Собр. соч.: в 12 т. / пер. с франц. под ред. В.Н. Михайлова. Киев, 1902. Т. VII. С. 189, 215.
16. *Риккерт Г.* Философия жизни. Киев, 1998. С. 271.
17. *Соловьев В.С.* Оправдание добра. Нравственная философия / вступ. ст. А.Н. Голубева, Л.В. Коноваловой. М., 1996. С. 313.
18. *Соловьев В.С.* Россия и вселенская церковь // Соловьев В.С. Собр. соч. М., 1911. С. 303, 304.
19. *Сорокин П.А.* Социология революции. М., 2008. С. 26.
20. *Тенилова Т.Л.* Время в праве. Н. Новгород, 2001.

⁴² *Ясперс К.* Истоки и ее цель // Смысл и назначение истории. М., 1994. С. 31.

⁴³ *Риккерт Г.* Философия жизни. Киев, 1998. С. 271.

⁴⁴ *Сорокин П.А.* Социология революции. М., 2008. С. 26.

21. Тойнби А.Дж. Постигание истории / пер. с англ. Е.Д. Жаркова. М., 2010. С. 22.
22. Тюрго А. Избр. произведения. М., 1937. С. 77, 78.
23. Уэллс Г. Очерки истории цивилизации. М., 2004. С. 9.
24. Франк С.Л. Духовные основы общества. М., 1992. С. 30.
25. Ясперс К. Истоки и ее цель // Смысл и назначение истории. М., 1994. С. 31.
26. Bergson H. Essai sur les données immédiates de la conscience. Paris, 1909.
27. Kras O. Franz Brentano. München, 1919. Ss. 49, 50.
28. Locke J. An essay concerning human understanding. London, 1825.
29. Simmel G. Soziologie: Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung. München; Leipzig, 1922. S. 11.
30. Trummer C. Zur Philosophie des Rechts und insbesondere des Strafrechts: besonders aus den crimenistischen Beiträgen abgedruckt. Hamburg, 1827.
11. Levitsky S.A. Metaphysics of the temporal process // The tragedy of freedom: election works; introductory article, comp. and comment. V.V. Sapov. M., 2008. P. 154 (in Russ.).
12. Mamardashvili M. Vilnius lectures on social philosophy (Experience of physical metaphysics). SPb., 2012. P. 29 (in Russ.).
13. Milyukov P.N. Essays on the history of Russian culture: in 2 vols. M., 2010. Vol. 1. P. 52 (in Russ.).
14. Plotin. The Third Ennead / translated from Ancient Greek by T.G. Sidasha. SPb., 2004. Pp. 392–394 (in Russ.).
15. Renan E. Collected works: in 12 vols / transl. from French ed. by V.N. Mikhailov. Kiev, 1902. Vol. VII. Pp. 189, 215 (in Russ.).
16. Rickert G. Philosophy of life. Kiev, 1998. P. 271 (in Russ.).
17. Solovyov V.S. Justification of goodness. Moral philosophy / introductory articles by A.N. Golubev, L.V. Kononova. M., 1996. P. 313 (in Russ.).
18. Solovyov V.S. Russia and the Universal Church // Solovyov V.S. Collected works. M., 1911. Pp. 303, 304 (in Russ.).
19. Sorokin P.A. Sociology of revolution. M., 2008. P. 26 (in Russ.).
20. Tenilova T.L. Time in law. N. Novgorod, 2001 (in Russ.).
21. Toynbee A.J. Comprehension of history / transl. from English by E.D. Zharkov. M., 2010. P. 22 (in Russ.).
22. Turgot A. Selected works. M., 1937. Pp. 77, 78 (in Russ.).
23. Wells G. Essays on the history of civilization. M., 2004. P. 9 (in Russ.).
24. Frank S.L. The spiritual foundations of society. M., 1992. P. 30 (in Russ.).
25. Jaspers K. The origins and its purpose // The meaning and purpose of history. M., 1994. P. 31 (in Russ.).
26. Bergson H. Essai sur les données immédiates de la conscience. Paris, 1909.
27. Kras O. Franz Brentano. München, 1919. Ss. 49, 50.
28. Locke J. An essay concerning human understanding. London, 1825.
29. Simmel G. Soziologie: Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung. München; Leipzig, 1922. S. 11.
30. Trummer C. Zur Philosophie des Rechts und insbesondere des Strafrechts: besonders aus den crimenistischen Beiträgen abgedruckt. Hamburg, 1827.

REFERENCES

1. Aristotle. Essays: in 4 vols. M., 1988. Vol. 3. Pp. 145–147 (in Russ.).
2. Bergson A. Creative evolution. M., 2001. Pp. 41, 42, 46, 290 (in Russ.).
3. Berdyaev N.A. Philosophy of freedom / comp., intro art. and comment. V.V. Shkody. M., 2004. Pp. 445, 446 (in Russ.).
4. Bibikhin V.V. Collected works. Vol. 2: Introduction in the Philosophy of Law. M., 2013. P. 64 (in Russ.).
5. Vernadsky V.I. Philosophical thoughts of a naturalist. M., 1988. Pp. 132–134, 226, 229, 248, 328, 361 (in Russ.).
6. Volk I.V. Law, time and space: theoretical aspect: dis. ... PhD in Law. M., 2004 (in Russ.).
7. Ilyin I.A. Salvation in wholeness // Why we believe in Russia: essays. M., 2006. Pp. 767–774 (in Russ.).
8. Kochetkova E.A. Correlation of the categories law and time // Proceedings of the Orenburg Institute (Branch) MSLA. 2022. No. 1 (51). Pp. 42–46 (in Russ.).
9. Krashenninnikov P. Times and Law. M., 2016 (in Russ.).
10. Lappo-Danilevsky A.S. Methodology of history: in 2 vols. M., 2010. Vol. 1. Pp. 178, 233; vol. 2. P. 536 (in Russ.).
11. Levitsky S.A. Metaphysics of the temporal process // The tragedy of freedom: election works; introductory article, comp. and comment. V.V. Sapov. M., 2008. P. 154 (in Russ.).
12. Mamardashvili M. Vilnius lectures on social philosophy (Experience of physical metaphysics). SPb., 2012. P. 29 (in Russ.).
13. Milyukov P.N. Essays on the history of Russian culture: in 2 vols. M., 2010. Vol. 1. P. 52 (in Russ.).
14. Plotin. The Third Ennead / translated from Ancient Greek by T.G. Sidasha. SPb., 2004. Pp. 392–394 (in Russ.).
15. Renan E. Collected works: in 12 vols / transl. from French ed. by V.N. Mikhailov. Kiev, 1902. Vol. VII. Pp. 189, 215 (in Russ.).
16. Rickert G. Philosophy of life. Kiev, 1998. P. 271 (in Russ.).
17. Solovyov V.S. Justification of goodness. Moral philosophy / introductory articles by A.N. Golubev, L.V. Kononova. M., 1996. P. 313 (in Russ.).
18. Solovyov V.S. Russia and the Universal Church // Solovyov V.S. Collected works. M., 1911. Pp. 303, 304 (in Russ.).
19. Sorokin P.A. Sociology of revolution. M., 2008. P. 26 (in Russ.).
20. Tenilova T.L. Time in law. N. Novgorod, 2001 (in Russ.).
21. Toynbee A.J. Comprehension of history / transl. from English by E.D. Zharkov. M., 2010. P. 22 (in Russ.).
22. Turgot A. Selected works. M., 1937. Pp. 77, 78 (in Russ.).
23. Wells G. Essays on the history of civilization. M., 2004. P. 9 (in Russ.).
24. Frank S.L. The spiritual foundations of society. M., 1992. P. 30 (in Russ.).
25. Jaspers K. The origins and its purpose // The meaning and purpose of history. M., 1994. P. 31 (in Russ.).
26. Bergson H. Essai sur les données immédiates de la conscience. Paris, 1909.
27. Kras O. Franz Brentano. München, 1919. Ss. 49, 50.
28. Locke J. An essay concerning human understanding. London, 1825.
29. Simmel G. Soziologie: Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung. München; Leipzig, 1922. S. 11.
30. Trummer C. Zur Philosophie des Rechts und insbesondere des Strafrechts: besonders aus den crimenistischen Beiträgen abgedruckt. Hamburg, 1827.

Сведения об авторе

БОЧКАРЁВ Сергей Александрович —
доктор юридических наук,
главный научный сотрудник
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

BOCHKAREV Sergey A. —
Doctor of Law,
Chief Researcher, Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia